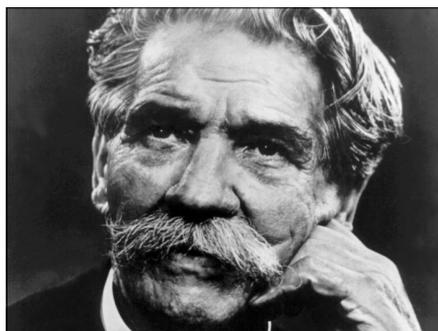

ЕДИНСТВО ВЕРЫ И ДЕЛ АЛЬБЕРТА ШВЕЙЦЕРА

Аннотация: В статье дается оценка морального вклада известного немецкого мыслителя Альберта Швейцера в мировую духовную сокровищницу. В ней освещаются следующие вопросы: становление этического мировоззрения Швейцера, понимание им своего жизненного кредо, открытие абсолютного этического принципа, филантропическая деятельность. В статье впервые на постсоветском пространстве представлен анализ такого явления, как богословский либерализм, произведенный с консервативной точки зрения. Освещен также вопрос отношения фундаменталистских церквей к социальному служению Церкви в нашем мире.

Ключевые слова: Христианский гуманизм, абсолютный этический принцип, христианская этика, христианский пацифизм, либеральное богословие, социальное служение Церкви.

Геннадий Гололоб, бакалавра богословия, проповедник поместной церкви МСЦ ЕХБ г. Черкассы (Украина), автор многих публикаций и нескольких книг по общехристианской и баптистской апологетике, арминианской со- териологии и христианского пацифизма.

Двадцатый век произвел на свет несколько выдающихся личностей, отмеченных высоким духовным потенциалом: Лев Толстой, Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг, Мать Тереза. Все они оставили нам пример того, как остаться человеком в бесчеловечную эпоху, потрясшую мир двумя мировыми войнами и сотнями других военных конфликтов. К этой плеяде великих учителей общечеловеческой и христианской морали следует отнести также и выдающегося немецкого философа и богослова, Альберта Швейцера (1875–1965), в двадцать один год своей жизни решившего остаток своей жизни «потерять» ради Христа и Евангелия.

Российский исследователь творчества этого выдающегося мыслителя-гуманиста А. Гусейнов сказал о нем следующее: «Безумию и сложности века он противопоставил ясность и простоту этически осмысленного существования. Он показал, что человек может жить ответственной и достойной жизнью. Надо лишь восстановить утраченную связь культуры с этикой, осознать, что только элементарная нравственность задает вектор, противостоящий хаосу бытия». Все эти люди обладали мужеством выступить и идти против течения современной эпохи, отмеченной небывалым в истории человечества взрывом насилия.

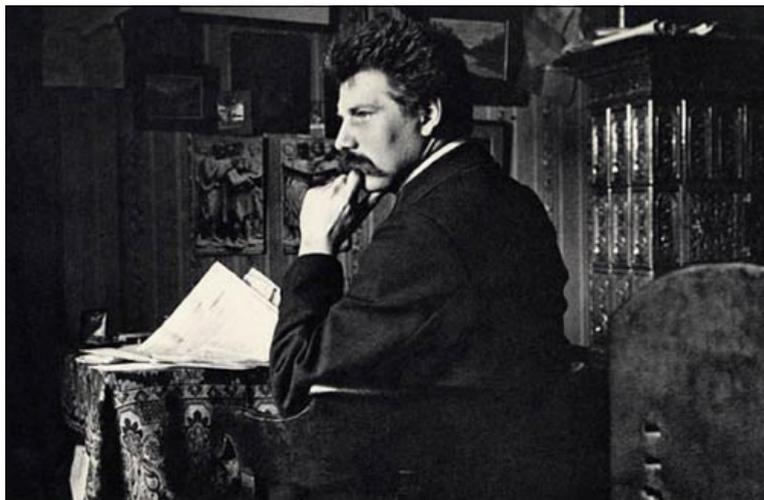
Нам приходилось не раз слышать о том, что Альберт Швейцер был великим гуманистом и моралистом, но почему-то при этом часто упускаются из виду его христианские убеждения. А между тем он писал о цели своей жизни следующее: «Мое призвание — побуждать христианскую веру к тому, чтобы она со всей искренностью пришла к согласию с исторической истиной». Данное утверждение свидетельствует о том, что Швейцера следует

считать одним из выдающихся представителей христианского гуманизма. Ниже мы попытаемся осветить его многогранное творчество (как незаурядного богослова, философа, религиоведа, культуролога, литератора, пацифиста, а также музыканта и врача) с христианских позиций, чтобы его образ предстал перед нами во всей своей моральной и духовной красоте.

Становление этического мировоззрения Швейцера

◆ Альберт Швейцер родился 14 января 1875 года в небольшом городке Кайзерсберг (французская провинция Эльзас, граничащая с Германией и Швейцарией), в семье лютеранского священника. В городке, который относился тогда уже к Германской империи, насчитывалось лишь несколько десятков лютеран, поскольку подавляющее большинство населения составляли католики. Поскольку все его родственники по мужской линии были либо священниками, либо учителями, в получении духовного воспитания и всестороннего образования юный Альберт не испытывал никакого недостатка, тем более что у мальчика рано обнаружили разнообразные дарования. С пяти лет он играл на рояле, а в девять — заменял органиста в деревенской церкви Гунсбаха, куда переехали его родители. Так как население Эльзаса состояло из немцев и французов, мальчик с детства превосходно знал два эти языка.

По окончании средней школы в 1893 году, молодой Швейцер поступает на философский факультет Страсбургского университета, где погружается в изучение философии, теологии и теории музыки. Именно здесь начинают формироваться его нравственные

Альберт Швейцер в 1905 г., когда, исполняя клятву своей юности, он поступает в университет, чтобы осуществить свою мечту – стать врачом-миссионером в дикой Африке.

убеждения под влиянием таких преподавателей, как Теобальд Циглер и Вильгельм Виндельбанд, которые были последователями И. Канта. Любовь к Канту Швейцер пронес через всю свою жизнь, хотя и высказывал некоторые замечания в адрес его этических убеждений. Роль Канта в немецкой философии он сравнивал с ролью Баха в немецкой музыке. Поэтому в качестве темы своей докторской диссертации по философии он избрал философию Канта.

В 1898 году он отправляется в Париж для дальнейшего изучения философии, где в течение четырех месяцев пишет докторскую диссертацию «Религиозная философия Канта». В следующем году он получает степень доктора по философии, а в 1901 году успешно защищает докторскую степень по теологии. Вскоре он становится профессором, а затем и директором Теологического колледжа Святого Фомы. В 1906 году выходит в свет его основной теологический труд «Вопрос об историческом Иисусе». В 1911 году за создание биографии И.С. Баха Швейцер получает степень доктора музыковедения. Благодаря этим публикациям Швейцер стано-

вится выдающейся личностью и заводит дружбу с известными писателями и деятелями науки и искусства (Р. Роллан, С. Цвейг, А. Эйнштейн и другие).

Все это время Швейцер ищет применения своим силам в практическом деле проявления милосердия по отношению к нуждающимся людям. Перефразируя евангельское «В начале было слово», Швейцер вслед за Гете, которого он считал идеалом всесторонне развитой личности, утверждает: «В начале было дело! Этика начинается там, где кончаются разговоры».

Будучи студентом, он много времени и сил отдает работе в студенческом союзе по оказанию помощи бедным. Впервые столкнувшись с ужасающей нищетой рабочих, Швейцер глубоко потрясен. Неудивительно, говорил он своим друзьям, что рабочие не интересуются больше церковью: какую помощь могут они получить от нее? Швейцер пытается организовать на свои средства приют для детей-сирот, но встречает неудовольствие городских властей. В 1903 году Швейцер помогает заключенным и бездомным бродягам, но в одиночку у него это получается недостаточно хорошо.

Что же повлияло на формирование этических убеждений Швейцера? Отвечая на этот вопрос, нам трудно сказать, с какого именно момента в его жизни и почему он заинтересовался вопросами нравственности. С самого детства он не любил выделяться из среды своих более бедных в сравнении с ним сверстников. Не раз с болью в сердце он вспоминает свои ошибки и проявления бессердечности, включая и относящиеся к животным. Природу он также любил с самого детства. Очень рано он понял, что нельзя подражать другим, вопреки собственной совести, и с определенного момента принял решение руководствоваться только собственным умом и волей.

Естественное чувство сострадания привело подающего большие надежды юношу к изучению трудов только тех мыслителей, которые в своей жизни руководствовались религиозным и этическим убеждениями. С большим уважением отзывался он о Гете и Канте, но все равно не обходил стороной их недостатки. Поскольку в каждой философии (а изучил он их все самым доскональным образом) Швейцер так и не нашел того, чего искал, ему пришлось открыть это самостоятельно. Но прежде мы расскажем о другом его открытии, не менее важном, чем это.

Великое призвание

◆ В отличие от многих кабинетных ученых, Альберт Швейцер оставил в умах человечества не столько теоретический, сколько практический жизненный след: еще в юные годы он дал себе клятву по достижении им тридцатилетнего возраста посвятить себя практическому служению людям.

Вот как он описывает это сам: «Однажды солнечным летним утром, когда — а это было в 1896 году — я проснулся в Гюнсбахе во время каникул на Троицын день, мне в голову пришла мысль, что я не смею рассматривать это счастье как нечто само собою разумеющееся, а должен за него чем-то отплатить. Раздумывая над этим, лежа еще в постели, в то время как за окном пели птицы, я пришел к выводу, что было бы оправданным до тридцати лет жить ради наук и искусств, чтобы затем посвятить себя непосредственному служению человеку»^[1]. Тогда он даже и не догадывался, что эти размышления приведут его к проведению врачебной деятельности в больнице африканского селения Ламбарене, расположенного почти за шесть тысяч километров от его дома.

И вот однажды, осенью 1904 года, он увидел на своем столе среди почты зеленую брошюру ежегодного отчета Парижского Миссионерского общества. Он хотел отложить ее в сторону, как вдруг его взгляд задержался на статье под названием «В чем испытывает острую нужду миссия в Конго?». Невольно он стал ее читать. В статье шла речь о хронической нехватке сотрудников, в частности с медицинским образованием, для миссионерской работы в Габоне (северная провинция Конго) и призыв о помощи. Не колеблясь, он принимает довольно рискованное решение — переехать жить и работать из благополучной Европы в многострадальную Африку. «Отныне мне предстояло не говорить о Евангелии любви, — объяснял он позже, — но претворить его в жизнь». Лишь позже он узнал, как дорого стоило ему это решение: он боролся с леопардом, тонул в реке, кишащей крокодилами, спасал от термитов запа-

^[1] Письма из Ламбарене, с. 27

сы больничного продовольствия, осматривал больницу с палкой в руке, опасаясь греющихся на солнце змей, и т.д.

Исполняя клятву своей юности, в 1905 году Швейцер поступает в медицинский колледж Страсбургского университета, возмещая расходы на обучение за счет органичных концертов, и в 1911 году получает диплом врача. Весной 1909 года Альберт Швейцер знакомится с Еленой Бреслау, дочерью преподавателя Страсбургского университета. Именно такую женщину он и искал себе в жены. Поскольку Елена всегда стремилась помогать униженным и обездоленным, она была готова помочь молодому специалисту в осуществлении той грандиозной задачи, которую он перед собой поставил.

В 1912 году Швейцер женится на Елене Бреслау, специально окончившей курсы медицинских сестер, и в следующем году молодая пара вместе с новорожденной дочерью отплывает во Французскую Экваториальную Африку. Таким образом, Альберт Швейцер со своей семьей внезапно оказывается в местности, имеющей совершенно другой климат, где жара даже в период дождей достигает 35° по Цельсию. Здесь Альберт Швейцер на свои средства организывает в деревне Ламбарене больницу, в которой за первые девять месяцев работы принимает две тысячи больных.

Трудно описать первые годы работы Швейцера в его больнице. Уже с первых дней его ожидал сюрприз — на место не явился заранее договоренный переводчик, в ответ на что местный миссионер Элленбергер заметил доктору: «Вы впервые сталкиваетесь с

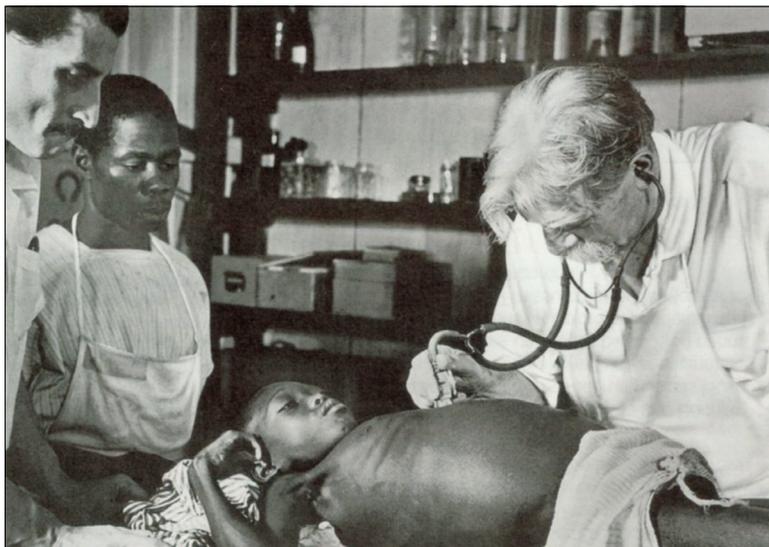
тем, с чем Вам придется иметь дело день ото дня, — с ненадежностью негров»^[2]. «Что касается меня, — напишет позже в связи с этой репликой Швейцер, — то, по правде говоря, я никогда уже больше не решусь говорить о лености негров после того, как полтора десятка их почти непрерывно гребли в течение тридцати шести часов, чтобы доставить меня к тяжело больному»^[3].

Работы для врача здесь было больше, чем достаточно: не получая никакой медицинской помощи, туземцы страдали от сердечных заболеваний, чешотки, малярии, желтой лихорадки, сонной болезни, дизентерии, проказы... Всех тяжело больных следовало обеспечить не только лечением, но и питанием, пока они находились в стенах больницы. Идя на встречу местным обычаям, родственникам больных было предоставлено право жить вместе с ними в течение всего времени пребывания их в больнице. Кроме того, что доктор лечил больных, он еще обучал выздоравливающих, например, плотницкому делу или навыкам ухода за плодовыми деревьями. В больнице не было подходящих для проведения операций помещений, так что врачу приходилось делать много лишней работы: самому рубить лес, сплавливать его по реке, строить из него необходимые для больницы здания, проводить водопровод и обустроить помещения изнутри. А кроме работы в больнице Швейцеру предстояло заботиться и о своей семье.

Приезжий врач-гуманист проявляет заботу о здоровье и условиях труда лесорубов и сплавщиков, призывая местные власти проложить хорошие дороги в районы лесоразработок. Чтобы разнообразить питание лесорубов, Швейцер предлагает, приблизив сель-

^[2] Письма из Ламбарене, с. 25

^[3] Там же, с. 72

А. Швейцер
обследует больного.
(Ламбарене, Габон)

скохозяйственное производство к местам заготовок леса, выращивать все необходимое для питания лесорубов в непосредственной близости от лесных факторий. В своих статьях он не скрывает того, что освоение и эксплуатация природных богатств колониальными странами влечет за собой обогащение метрополий и резкое ухудшение условий жизни населения колоний. В числе основных проблем африканцев он видит эпидемии и голод, алкоголизм и безудержную эксплуатацию местного населения на капиталистических предприятиях.

Швейцер стремится к тому, чтобы африканец стал человеком, равным во всем любому другому человеку и заслуживающим человеческого отношения к себе. Он искренне опасается того, «что экономическое развитие, которого добивается колонизация, происходит за счет развития культуры и уровня жизни туземцев»^[4].

Все симпатии врача-волонтера оказываются на стороне африканцев, когда

он выступает со страстным протестом против сложившейся системы: «Невозможно примириться с тем, что нередко имеет место: колония процветает, а туземное население вымирает из года в год»^[5].

Когда Швейцер узнал о планах местной администрации ввести в действие так называемую трудовую повинность (планировалось к фактории каждого предпринимателя прикрепить десятки деревень, население которых было бы обязано отрабатывать определенное количество времени на лесоповале или лесосплаве), он написал в своем дневнике: «Весь ужас, заключается в том, что трудовая повинность втайне может превращаться в особого рода рабство» (там же, с. 76), поэтому «от системы трудовой повинности, сводящейся к тому, что государство отдает туземцев в распоряжение частных лиц, следует отказаться»^[6].

Швейцер не только выдвигает предложения, но и изыскивает средства для их воплощения в жизнь, хотя бы в рамках того региона, жителям которого он приехал служить. Он выступает за право африканцев не только жить в

^[4] Там же, с. 76

^[5] Там же, с. 78

^[6] Там же, с. 77

Швейцер (справа) на строительстве больницы. Строительство становится для Швейцера главной заботой на многие годы.

своем родном селении, но и передвигаться по стране и искать себе любую работу, а также пользоваться правом обладания землей и участвовать в политической жизни своей страны. Эти идеи он выразил в своей статье под названием «Отношение белой расы к цветным расам», опубликованной в январском номере английского журнала «Коптемпорари ревью» за 1928 год.

Развитие национальной экономики и культуры Альберт Швейцер связывает с необходимостью широкого и действительного образования африканского населения. Он постоянно интересуется историей и культурой Африки. Когда в 1924 году он предпринял строительство нового больничного поселка, то изучил многовековой опыт африканцев по сооружению свайных построек и удачно сочетал его с традициями европейской архитектуры. Вершиной заботы Швейцера об африканцах было их не только физическое выздоровление или культурное развитие, но также и духовное становление. Именно поэтому его

больница не была обычным лечебным учреждением. Пребывание в ней африканцев не только физически исцеляло, но и воспитывало духовно: пациентам прививались не только привычки к систематическому труду, навыки культуры поведения и элементарной гигиены, но и уважение друг к другу, а также необходимость веры в Бога.

При этом Швейцер не усреднял христианство, а стремился очистить его от множества злоупотреблений, мешавшим африканцам поверить христианскому образу Бога.

«Что же сотворили белые разных национальностей с цветными после того, как были открыты заморские страны?» — вопрошает он. И тут же отвечает: «Как много означает один только факт, что с появлением европейцев, прикрывавшихся высоким именем Иисуса, немало племен и народов было стерто с лица земли, а другие начали вымирать или же влачат самое жалкое существование!»^[7]. Очевидно, что доктор учил африканцев доверять далеко не всякому, кто

просто называл себя христианином. Поэтому, делает вывод Швейцер, «у нас нет права раздумывать, хотим мы делать этим людям добро или нет, — это наш долг. Все то хорошее, что мы можем сделать для них, никак не благодеяние, а только искупление того зла, которое мы же им причинили»¹⁸¹.

Свою медицинскую деятельность в Африке Альберт Швейцер сопровождал ведением дневника, и эти свои записи ему удалось издать в 1927 году под названием «Письма из Ламбарене». Этот сборник материалов носит характер документальной хроники, описывающей нелегкие будни немецкого врача в джунглях Центральной Африки. В 1930 году Альберт Швейцер пишет свою знаменитую «Мистику апостола Павла», где излагает свое понимание развития раннего христианского богословия. В этой работе он придерживается мнения о том, что апостол Павел не находился под влиянием эллинистической философии, в основном придерживаясь благовестия Иисуса о скором наступлении Царства Божьего. Однако поскольку последнее так и не наступило, великому апостолу язычников пришлось сместить внимание с этого события на важность духовной подготовки, необходимой для его наступления.

Открытие абсолютного этического принципа

◆ Врач-гуманист прекрасно понимал, что каждый человек является сотрудником Бога в осуществлении Его планов на земле. Поскольку Божий промысел не прибегает для этого к насильственным средствам, верую-

щим предоставляется только один путь достижения Божьих целей в этом мире — путь убеждения и воспитания. Данное обстоятельство возлагает на человека определенную ответственность, которую он не вправе перекладывать на плечи Бога. Так, в беседе с американским писателем-пацифистом Норманом Казинсом Альберт Швейцер сказал: «Человек несет ответственность за зло, должен бороться с ним, а не сидеть сложа руки и ожидая Божественного вмешательства». Здесь мы видим частную правоту либерального богословия, доведенную до своей крайности, т.е. преувеличения значения человеческого фактора в ходе исторического процесса.

Что же предлагал делать доктор Швейцер? Он пишет о том, что испытывает «искреннее и глубокое уважение к работе, которую здесь начали американские миссионеры и которую затем продолжили миссионеры французские» и неоднократно говорит о «живительной силе мысли Иисуса»¹⁹¹. В отличие от положения дел в других странах, миссионеры, трудящиеся в Африке, прибыли сюда впервые еще до начала колониальных завоеваний и потому принесли туземцам все блага цивилизации: образование, медицину и научно-технические новшества. Неудивительно, что выдающемуся миссионеру Дэвиду Ливингстону принадлежат такие слова: «Я возвращаюсь, чтобы открыть путь торговле и христианству».

Швейцер долгое время бился над проблемой культурной обусловленности этики, которая не позволяла моральному долгу иметь полноправные права на человеческую жизнь. Открытие подходящего термина, указывающего на абсолютный характер этических требований, пришло к нему неужи-

¹⁷¹ Там же, с. 107

¹⁸¹ Там же

¹⁹¹ Письма из Ламбарене, с. 104.

Швейцер вместе с гостем во время строительства больницы. Гости охотно помогли на стройке. Швейцер тоже много работал и считал физический труд главным лекарством от старости.

данно. В середине сентября 1915 года доктор плыл на маленьком речном суденышке к тяжелобольной женщине, продолжая работать над своими заметками по философии культуры. Размышляя о сущности нравственного, Швейцер зашел в тупик: понимание добра менялось в зависимости от простых обстоятельств или внешних условий жизни людей. Неужели не существует такого термина, который бы имел универсальное значение и применение ко всем людям и ко всем временам?

«Вечером третьего дня, — вспоминал позже Швейцер, — когда мы на закате солнца проплывали прямо через стадо бегемотов, встали вдруг передо мной слова «благоговение перед жизнью»... Отныне я был проникнут идеей, в которой миро- и жизнеутверждение соотносились с нравственностью. Отныне я знал, что мировоззрение этического миро- и жизнеутверждения, вместе с их культурными идеалами основывается на разуме». Как пер-

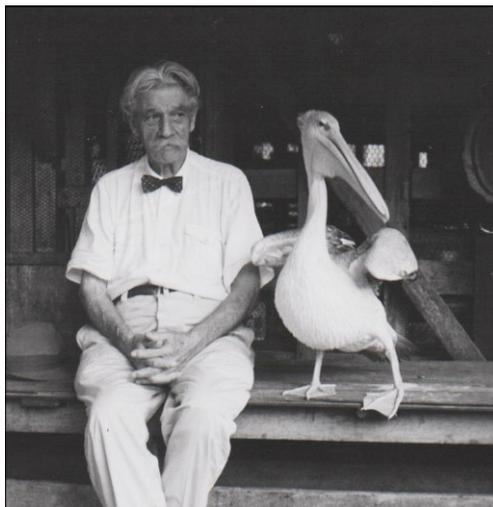
вичность факта жизни, так и ее уникальность в любых формах проявления — вот что, пришел к выводу Швейцер, следует принимать во внимание при разработке норм нравственных отношений. Позже он выразит свое открытие таким образом: «Благоговение перед бесконечностью жизни — это снятие отчуждения, это сопереживание и сострадание».

В другом месте Альберт Швейцер описывает свой принцип «благоговения перед жизнью» следующим образом: «Всех людей независимо от их положения этика благоговения перед жизнью побуждает проявлять интерес ко всем людям и их судьбам и отдавать свою человеческую теплоту тем, кто в ней нуждается... Она требует от всех, чтобы они частичку своей жизни отдали другим людям. В какой форме и в какой степени они это сделают, каждый должен решать соответственно своему разумению и обстоятельствам, которые складываются в его жизни»^[10].

По убеждению Швейцера, взаимосвязь и взаимообусловленность различных форм жизни в мире должна определять такие отношения между людьми, которые должны быть направлены на сохранение и совершенствование жизни вообще, иначе прогрессивное развитие ее станет невозможным. Поэтому, по мысли Швейцера, нравственность является не только законом жизни, но и неотъемлемым условием ее существования и развития. Страдания исчезнут, когда люди осознают всю важность сохранения жизни и человеческого достоинства. И только тогда общество будет органично сочетать все три вида прогресса — материальный, социальный и духовный.

В 1918 году он возвращается в Европу и семь лет путем концертирования и написания книг зарабатывает нужные для работы больницы средства. В 1923 году он издает две свои книги «Философия культуры. Упадок и возрождение цивилизации» и «Философия культуры. Культура и этика», где излагает свою концепцию «благоговения перед жизнью». Суть этой концепции состоит в служении всему тому, что не только поддерживает, но и одухотворяет великим смыслом человеческую жизнь. «Определение этики представляется мне таким, — объяснял Швейцер. — То, что поддерживает и продолжает жизнь, — хорошо, то, что повреждает и нарушает жизнь, — плохо. Глубокая и всеобщая этика имеет значение религии. Она и есть религия». Почтение к жизни, продолжал он, «требует от каждого жертвовать частью своей жизни ради других».

Из-за наложенных медициной противопоказаний африканского климата

Вылеченный Швейцером пеликан, сопровождал его во время прогулок.

здоровью Елены, супругам Швейцер пришлось принять суровое решение — о разлуке на долгие годы. И только благодаря тому, что Елена, понимая важность замысла своего мужа, совместно с Эммой Мартин деятельно помогала ему во всем из Европы, Швейцеру удалось восстановить, а впоследствии и расширить прославившуюся на весь мир больницу в Ламбарене. Таким образом, заслуга Елены Швейцер в осуществлении дела, которому посвятил свою жизнь ее муж, была очень существенной.

В 1924 году Швейцер возвращается в Ламбарене и продолжает свой благородный труд. В 1928 году ему присуждается Франкфуртская премия Гете, на средства от которой он строит дом в Гюнсбахе, ставший местом отдыха для всего персонала больницы Ламбарене. В 1933—1939 годах он продолжает свою работу в Африке, периодически навещая Европу для пополнения своих средств путем чтения лекций, проведения органичных концертов и издания своих книг. К 1950 году больничный комплекс в Ламбарене уже состоит из семидесяти зданий, в кото-

^[10] Благоговение перед жизнью, с. 226

рых лечится до пятисот человек. Одновременно он работает в больнице и как практикующий врач, и как ее директор, подготавливая свою дочь Рену на роль своей преемницы.

Миротворческая деятельность Альберта Швейцера

◆ Альберт Швейцер очень болезненно воспринял начало Первой мировой войны. Неудивительно, что очень скоро он примкнул к группе прогрессивных деятелей науки и культуры (Альберт Эйнштейн, Стефан Цвейг, Бертран Рассел, Огюст Роден, Бернард Шоу), выступивших в поддержку антимилитаристской позиции Ромена Роллана. В конце августа 1915 года он писал Р. Роллану из Ламбарене: «Мне было необходимо сказать Вам, как я восхищаюсь мужеством, с которым Вы восстаете против мерзости, одурманившей массы в наши дни... Бейтесь же, я всем сердцем с Вами, хотя и не могу в нынешнем моем состоянии деятельно помочь Вам. Всем сердцем с Вами!».

К приходу фашизма к власти в Германии Швейцер отнесся также отрицательно. Останки отца жены Швейцера, еврея по национальности, профессора Бреслау, который был видным историком средневековой Германии, нацисты выбросили с «кладбища для арийцев». И Швейцер дал себе слово, что никогда не вернется в третий рейх. В ответ на приглашение министра пропаганды Геббельса, заинтересованного в приезде в Германию выдающегося гуманиста, чтобы «давать там органные концерты», Швейцер ответил категорическим отказом, поскольку это могло быть расценено всеми как поддержка гитлеровского

режима. В противовес тому, что письмо Геббельса было подписано: «С немецким приветом», Швейцер подписал свой ответ нарочито антипатриотически: «С центральноафриканским приветом».

Миротворчество великого немецкого гуманиста распространялось даже на животных: вокруг его больницы безбоязненно бродили многие представители африканской фауны. Не раз африканцы упрекали доктора за то, что охотничье ружье бесполезно висит на стене в его доме. В связи с этим Швейцер позднее замечает: «Я спокойно выслушиваю этот упрек. Мне совсем не хочется убивать птиц, которые кружатся над водой. Не поднимется мое ружье и на обезьян»^[1]. В больнице Швейцера постоянно жили попавшие в беду и спасенные доктором животные и птицы (антилопы и обезьяны, пеликаны и попугаи). В целом Альберт Швейцер предпочитал, по возможности, избегать нанесения вреда всему живому.

6 августа 1945 года, когда американский бомбардировщик В-29 сбросил на японский город Хиросиму атомную бомбу эквивалентом несколько кило тонн тротила, Швейцер сказал своей помощнице Матильде Коттман: «Когда одной-единственной бомбой убивают сто тысяч человек — моя обязанность доказать миру, насколько ценна одна-единственная человеческая жизнь». Вскоре Швейцер превращается в активного борца за ядерное разоружение и за полный запрет испытаний атомного оружия. После Второй мировой войны Швейцер встретился с Альбертом Эйнштейном, уверяя его в том, что разум и нравственное начало должны возобладать над слепыми разрушительными инстинктами. Он свято верил в то, что в

[1] Письма из Ламбарене, с. 50

«Когда одной-единственной бомбой убивают сто тысяч человек, – моя обязанность доказать миру, насколько ценна одна-единственная человеческая жизнь». А. Швейцер, 6 августа 1945 года).

мировом общественном мнении произойдут глубокие изменения, которые неизбежно приведут к отказу от войн.

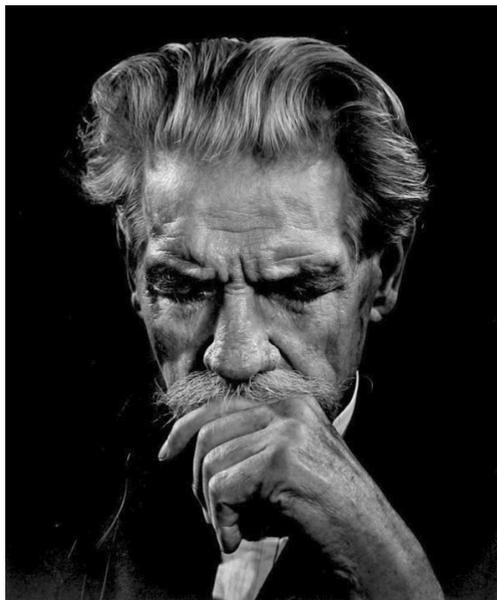
В День Победы Швейцер записывает в своем дневнике изречение любимого им древнекитайского мудреца Лао-цзы: «Оружие — инструменты зла, недостойные людей благородного образа мыслей». Выше всех благ на земле он ценит «спокойствие и мир». С этого дня 70-летний Швейцер посвящает все оставшиеся его годы делу предотвращения войн. Среди массы писем, которые к нему приходили, Швейцеру особенно дорого одно, которое написал человек, прошедший через гитлеровские концлагеря. В нем имеются такие строки: «Какое счастье сознавать, что в середине нашего жестокого века Ламбарене все-таки возможен, что он — явь».

Неудивительно, что в 1952 году Швейцер становится лауреатом Нобелевской премии мира, присвоенной ему «за то, что показал, что жизнь человека и его мечта могут слиться воедино». На деньги от этой премии доктор строит лепрозорий, расположив его неподалеку от больницы. Его

вера никогда не расходилась с делами, что было подчеркнуто в его беседе с американским писателем-пацифистом Норманом Казинсом: «Я должен защищать то, во что верю, формами жизни, которой я живу, и работой, которую я выполняю. Я должен попытаться сделать так, чтобы моя жизнь и моя работа говорили о том, во что я верю».

В конце 1954 года великий гуманист и мыслитель отправляется в Осло, где 4 ноября выступает с Нобелевской лекцией, которую озаглавливает «Проблемы мира». В ней он выражает убежденность, что человечество должно отказаться от войн по этическим причинам, так как «война делает нас виновными в преступлении бесчеловечности». По его мнению, лишь тогда, «когда идеал мира укоренится в людском сознании, можно будет ожидать эффективной работы учреждений, призванных оберегать мир».

В апреле 1957 года Швейцер выступает с «Обращением к человечеству», призвав правительства развитых стран прекратить испытания ядерного оружия. Когда Швейцер готовил данное

«Атомная война бессмысленна. Она ничего не решает. У нее не может быть других результатов, кроме безгранично жестокого уничтожения человеческой жизни».
 (А. Швейцер)

обращение против угрозы ядерной войны, он проштудировал десятки трудов ученых-физиков, химиков, биологов. Глубоко проанализировав все факты, он использовал их в книге «Мир или атомная война?», увидевшей свет в 1958 году. Вскоре после этого две тысячи американских ученых подписали петицию о прекращении атомных испытаний, а Бертран Рассел и Кэнон Коллинз в Англии развернули кампанию за ядерное разоружение. Пять лет спустя переговоры о контроле над вооружениями завершились формальным договором сверхдержав о запрете на ядерные испытания.

Последнее, что сделал Швейцер при жизни для торжества мира во всем мире, — подписал уже совсем непослушной рукой обращение лауреатов Нобелевской премии к главам правительств крупнейших государств с тре-

бованием немедленно прекратить преступную войну во Вьетнаме. Текст обращения ему прислал известный американский ученый и борец за мир Лайнус Полинг. Поскольку Полинг торопил Швейцера с отправкой подписанного им обращения, девяностолетний старик сам понес пакет к уходящему из Ламбарене речному пароходу. Вернувшись домой, он лег на свою почти походную койку, попросил поставить долгоиграющую пластинку с записью фуг и прелюдий Баха и больше уже не вставал.

Умер великий мыслитель и гуманист в любимом им Ламбарене, и похоронен рядом с могилой своей жены, умершей в 1957 году. Лауреат международной Ленинской премии Мартин Лютер Кинг, узнав о смерти Швейцера, написал: «С кончиной Альберта Швейцера исчезла одна из самых ярких звезд на нашем небосводе. Его долгий и богатый трудами жизненный путь ученого и подвижника во имя человечности стал героической поэмой XX столетия». Действительно, в его лице умер наиболее яркий представитель христианского гуманизма двадцатого века, но труды его не прошли даром, поскольку он оставил после себя большое число подражателей своему делу.

Творческое наследие Альберта Швейцера

◆ Никто из нас не станет считать врачебную волонтерскую помощь Швейцера недуховным делом. Очень часто нам легче рассуждать о духовном, чем воплощать его в саму жизнь. Великий немецкий гуманист и врач, Альберт Швейцер, не был таким. За более чем полвека работы больницы он вместе со своими волонтерами

проделал титанический труд. Ниже сошлемся на данные отчета, который был опубликован доктором Мюллером еще при жизни Альберта Швейцера в 1963 году. В больницу ежегодно обращалось в среднем около пяти тысяч больных (в 1961 и 1962 годах — по шесть тысяч); треть из них при этом госпитализировалась.

В 1934 году были сделаны 622 серьезные операции. В среднем же в год производилось от 500 до 700 операций (в 1961 и 1962 годах — 802 и 950 соответственно). Ежегодно в больнице рождалось от трехсот до четырехсот детей. Постепенно количество принятых на стационар больных уменьшилось. Так, к началу 1976 года в больнице Ламбарене находилось на излечении около пятисот пациентов. Медицинский персонал насчитывал 126 человек, из которых 100 африканцев. Всего за время существования больницы в Ламбарене через нее прошло около полумиллиона больных.

Несмотря на эти выдающиеся успехи, вклад Швейцера в мировую духовную культуру был более значительным. Это прекрасно понимал и сам доктор, выискивая в своем сложном графике время для чтения книг, написание ответов на письма и составление статей. Например, перед рождеством 1915 года сорокалетний доктор Швейцер запишет в своем дневнике: «Несмотря на всю мою усталость и малокровие, мне каким-то чудом удается сохранить почти полную душевную свежесть. Если день был не очень напряженным, то после ужина я провожу два часа за работой, посвященной роли этики и культуры в истории человеческой мысли»^[12].

Впрочем, великий немецкий гуманист получил общественное признание не столько в области христианского богословия, где он представлял либеральные взгляды, сколько в области христианской этики. В этом он похож на другого великого моралиста — Льва Николаевича Толстого, которому принадлежат созвучные убеждениям Швейцера слова: «Легче написать десять томов философии, чем приложить какое-нибудь одно начало к практике»^[13]. Не даром в 1960 году Альберт Швейцер посвятил великому русскому писателю книгу «Воспитатель человечества Толстой». В конце своей жизни великий немецкий гуманист признался, что своей мысли о нравственном кризисе современной культуры он был обязан именно Толстому^[14].

Не веря в Божественность Иисуса Христа, а значит и в искупительный характер Его Голгофской Смерти, Альберт Швейцер, тем не менее, не считал основателя христианства мифической личностью. В своих произведениях он отстаивал историчность личности Иисуса Христа, считая Его великим религиозным мыслителем, принесшим себя в жертву великой цели — приближению Царства Божьего на земле. Мало того, он определял христианство как мистику единения с Христом, без каких-либо проблем и условностей совмещая ее с ценностью рационализма. Будучи либеральным теологом, он считал подражание жизни Иисуса Христа средством достижения Царства Божьего на земле. Если Иисус заботился не только о духовном, но и о физическом здоровье людей, тогда такими же должны быть и

[12] Письма из Ламбарене, с. 94

[13] Толстой Л.Н. Дневники, 17 марта 1847

[14] Швейцер А. Воспитатель человечества Толстой // Вопросы литературы. 1976. № 5. С. 315-316.

Его последователи: «Когда я смотрю на избавление от страданий больных в этом далеком краю как на задачу всей своей жизни, я исхожу из чувства милосердия, к которому призывает Иисус Христос и религия вообще»^[15].

Многие из нас задаются вопросом: «Как сделать более понятным для неверующих людей христианское свидетельство?» Альберт Швейцер предлагает следующий совет: «Христианство может стать живой истиной для сменяющихся друг друга поколений лишь в том случае, если среди них будут постоянно появляться мыслители, которые, оставаясь в Духе Иисуса, сумеют выразить веру в Него в категориях мировоззрения своей эпохи. Становясь традиционной верой, которую люди должны принимать просто как данность, христианство теряет связь с духовной жизнью своего времени и способность принимать новую форму в соответствии с новым мировоззрением. Когда прекращается полемика между традицией и мышлением, страдают христианская истина и христианская правдивость»^[16]. Действительно, как часто мы держимся всеми силами за форму тогда, как на самом деле безусловным значением обладает только ее суть.

И если в области богословия мы не можем признать за Швейцером больших достижений, то в области нравственной философии он до сих пор сохраняет за собой значительный авторитет. В целом, если философ ни разу не высказал своего мнения о проблеме морали, его трудно назвать философом. То, что данный упрек нельзя отнести к Альберту Швейцеру, можно проиллюстрировать его же фразой: «Много воды течет под землей, но не всякий подземный ручей становится источником». Он посто-

янно рассуждал над вопросом: «Как должны жить люди, чтобы быть счастливыми?» И только пользой человечеству оценивал он все свои труды — физические и духовные: «Счастливые те, кому годы труда отпущены в большей мере, чем годы поисков и ожидания! Счастливы те, кто, в конечном счете, сможет отдать себя по-настоящему и без остатка!» Во всех своих произведениях и статьях он призывал людей «использовать любую возможность быть человеком, делая что-нибудь для тех, кто нуждается в помощи — какой бы скромной ни была его деятельность».

Великий гуманист был убежден в том, что человек не вправе судить никого, кроме себя, и единственное, чем он может проповедовать — это образ его жизни. Здесь нам бы хотелось привести одну иллюстрацию скромности Альберта Швейцера. Как-то врач попросил одного африканца помочь донести тяжелое бревно. «Я человек интеллигентный и бревен не ношу», — ответил тот. «Тебе повезло», — согласился с ним Швейцер, взваливая бревно на свое плечо: «... Мне бы тоже вот хотелось быть человеком интеллигентным, да что-то никак не получается» (Письма из Ламбарене, с. 195). Заметьте, что в этом диалоге Альберт Швейцер скрыл от своего собеседника тот факт, что имел четыре докторских степени в различных областях наук.

Альберт Швейцер был убежден в том, что человеческий прогресс продолжится лишь в одной сфере — материальной, а в двух других — этической и духовной — наблюдается явный откат назад. И если вплоть до начала XIX века материальный прогресс человечества шел рука об руку с развитием морального сознания, то только пото-

му, что был освящен религиозно. Ученые того времени ставили перед собой цель познать не только окружающий их мир, но и Творца этого мира. Отбросив же идею Бога в качестве своей основы, общечеловеческая мораль современной эпохи повисла в воздухе. В изучении самой природы нет никакой морали, поэтому этот путь был заведомо обречен вести человечество в никуда. Этическая же связь с Богом, по мысли Швейцера, не только выводит человека за пределы ограниченного земного существования, тем самым наполняя смыслом его жизнь, но также является движущей силой всей человеческой культуры.

На последних страницах своей автобиографической книги Швейцера изливает перед читателем свою душу: «Я не могу не ощущать, сочувствуя и сожалея, все те страдания, которые вижу вокруг себя, страдания не только людей, но и всего сотворенного... Еще школьником я ясно сознавал, что никакое объяснение существования зла в этом мире никогда не сможет удовлетворить меня; я чувствовал, что все такие объяснения являются софистикой и, по сути дела, не имеют другой цели, кроме той, чтобы дать человеку возможность не так остро переживать окружающее его несчастье»^[17]. Очевидно, что великий христианский гуманист был движим христианским состраданием к обездоленным людям.

Что касается борьбы со злом, то Альберт Швейцера занимал позицию пассивного противостояния насильнику, которое, к тому же, должно совершаться без помощи слов — только

личным примером и моральным образом жизни: «Борьбу против зла, заложенного в человеке, мы ведем не с помощью суда над другими, а с помощью собственного суда над собой»^[18]. И хотя Альберт Швейцера был либеральным богословом, суть христианской этики он уловил абсолютно точно.

Здоровое отношение к либерализму

◆ Выдающиеся успехи в этической и миротворческой деятельности Альберта Швейцера заново ставят перед нами вопрос об отношении к такому явлению, как богословский либерализм. В целом либеральное христианство возникло вместе с появлением сомнения как основного принципа в методологии научного исследования (см. учение французского философа Рене Декарта). Зарождающаяся наука, призванная описать данные наличного опыта, решила привнести этот принцип и в богословие, не понимая того, что вторгается не в свою область. Кроме того, сомнение бывает разное — уважительное (вопросительное) и радикальное (категоричное). С первым убежденные христиане не боятся иметь дело, но что касается второго, то заведомо исключают из сферы своего интереса.

Положение усугубилось тем, что само традиционное христианство рано начало страдать завышенной самооценкой, чреватой не столько безразличным, сколько оправдывающим отношением к собственному поведению, что привело его идейных оппонентов к представлению о том, что иного христианства нет и быть не может. Поэтому вместо того, чтобы призвать церковное христианство к здоровым реформам, интеллектуалы-критики

^[15] Письма из Ламберене, с. 105.

^[16] Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992, с. 474.

^[17] Жизнь и мысли. М.: Республика, 1996, с. 144.

28 августа 1949 года, Франкфурт-на-Майне. Альберт Швейцер раздает автографы на улице Фото AP-TACC.

его просто отвергли. Например, английский философ Джон Локк провозгласил идею превосходства «естественной религии» над «религией откровения» только на том (ошибочном) основании, что последнюю отождествлял с первоначальным христианством. Он не обратил внимания на то, что современное ему христианство даже в реформированном виде все же отличалось от первоначального. Впрочем, на тот момент оно уже представляло собой целый конгломерат различных, иногда даже противоположных друг другу, позиций.

Правда, некоторые исследователи признали эту ошибку, но неправильно отреагировали на данное обстоятельство, начав отождествлять подлинное христианство со стихийно возникшими ранними сектами, типа гностиков, манихеев и им подобными. Иные пошли еще дальше, заявив, что искаже-

ние первоначального учения Христа было начато апостолом Павлом, тем самым чрезмерно преувеличивая фактор существования некоторых разномыслий у ранних христиан. Одним словом, присвоить себе имя «подлинное христианство» мог кто угодно, отказывая в этом не только традиционным христианским, но и даже протестантским церквям.

В результате получилось, что разногласие, существующее среди христиан, сослужило плохую службу всему делу Божьему на земле. Вместо того, чтобы держаться общих убеждений в основных доктринах, оставив в стороне споры по второстепенным вопросам, они без особой нужды обострили споры между собой, тем самым существенным образом усложнив путь грешников к Богу (см. Деян. 15:10). Конечно, современный католицизм пошел на некоторые реформы, когда папа Иоанн I отверг корону светского монарха, однако до сих пор римский папа продолжает оставаться абсолютным монархом государства Ватикан, что доказывает противоречивость и

^[18] Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992, с. 221.

^[19] Стенли Гренц, Роджер Олсон. Богословие и богословы XX века. Перевод Ольги

недостаточность таких реформ. Существуют свои проблемы и в протестантизме, например, проблема официальной церкви, или участие христиан в осуществлении государственной формы насилия.

Именно тогда, когда метод сомнения был взят на «ура» представителями философии скептицизма, выступающей против *всякого* достоверного знания, этот чрезмерный критицизм и породил такое явление, как либеральное богословие. Все традиционное христианское вероучение не просто подвергалось проверке на истинность, а заведомо отвергалось как вымышленное. В лучшем случае либеральные теологи признавали, что в церковном христианстве все же содержатся какие-то элементы истины. В результате, между либеральным богословием и выступившим вскоре против него консерватизмом возникла большая стена отчуждения, препятствовавшая созданию плодотворного диалога. Поскольку обе стороны считали свои позиции священными, они стали абсолютно непримиримыми даже в отношении к отдельным мнениям своих оппонентов.

Богословский либерализм немного отрезвел с началом Первой мировой войны. Правда, эта и последующая за нею еще одна мировая война показали несостоятельность не всего либерального богословия, а лишь самой крайней его идеи — убеждения в том, что человеческая природа не просто может, а обязана улучшаться (см. принцип мелиоризма). Здесь определенную роль сыграли светские идеи дарвинизма и социального прогресса, которые следует отличать от традици-

онного (романтического) либерализма Ф. Шлеермахера, которому последовали в Германии Альбрехт Ричль (1882—1889), Вильгельм Геррманн (1846—1922) и Адольф фон Гарнак (1851—1930), а в США — Гораций Бушнелл (1802—1876) и Вальтер Паушенбуш (1861—1918).

Недооценка либеральным богословием природной испорченности людей, можно даже сказать, подготовила плодотворную почву для появления в Европе двух тоталитарных режимов — сталинского и фашистского. На этой волне некоторые (в частности кальвинистские) консервативные богословы сделали крен в противоположную крайность, заявив не только об абсолютной испорченности природы грешных людей, но и их полной неспособности нуждаться в Боге. Однако здравая библейская позиция в этом вопросе всегда учитывает влияние т.н. «общей» или «предварительной» благодати, в некоторой степени сдерживающее проявления зла в природе грешного человека, самой по себе испорченной абсолютным образом.

Неудивительно, что чаша весов сегодня сделала крен в противоположную сторону от неоортодоксии (Карл Барт, Эмиль Бруннер, Рудольф Бультманн, Р. Нибур), возникшей на волне трагических событий двадцатого века и вызвавшей вытеснить собой богословский либерализм. Однако не прошло много времени, как выяснилось, что категорический отказ представителей «теологии кризиса» от необходимости религиозного просвещения и унижение ими роли разума в теологическом образовании представляет собой другую крайность, т.е. тупик не менее опасный, чем безудержный мистицизм. Многие современные мыслители понимают, что и популяр-

Розенберг. — Черкассы: Коллоквиум, 2011, с. 78; см. также: там же, с. 163-164

ный ныне экзистенциализм, абсолютизовавший и без того безудержный произвол, не способен выступить в роли эффективного лекарства от лечения основных человеческих бед, причем как раз по причине собственной аморальности и крайнего индивидуализма.

Таким образом, с либерализмом мы не согласны не только по той причине, что он отвергает все сверхъестественное в христианстве, но и по той, что он преувеличивает значение некоторых библейских истин в ущерб всем остальным. Например, уподобляясь саддукеям времен Христа, либеральный теолог отдает Библию на откуп науке, а важность различных (правда, не только материальных) потребностей людей возвышает до непререкаемого авторитета. Это значит, что в богословском либерализме нам неприемлемы не только его сомнения, но и крайности.

Впрочем, нам приходится отмежеваться также и от позиции оголтелого критицизма, которой придерживаются некоторые консервативные церкви по отношению к либеральному богословию, представляя тем самым уклон в противоположную крайность: Библию нужно изучать без использования историко-критического метода, в процессе ее толкования категорически недопустимы аллегории, не только не нужно, но и вредно идти на встречу духовным нуждам невозрожденного человека и общества в целом, интеллигентность не совместима с христианством, христианскую веру нельзя сочетать с общечеловеческой моралью и т.д.

В чем же здесь проблема? В том, что такого рода консервативные христиане не молятся за либералов, не ведут с ними апологетической работы и даже

не считают их христианами. Одним словом, они предпочитают отделиться от них «железным занавесом». А между тем, христианский долг каждого из нас состоит в подвизании на поприще проповеди Евангелия для абсолютно всех людей. Поэтому мы должны быть кровно заинтересованы в развитии здоровой фундаменталистской апологетики в противовес популярной сегодня позиции богословского и церковного изоляционизма.

Нельзя сказать и о безупречности претензий самого фундаментализма. Если либералы склонны заботиться об удовлетворении материальных нужд в ущерб духовных потребностей, то у большинства консервативных христиан все происходит в обратном порядке. Если либералы ожидают от Бога реального вмешательства в эту жизнь, то фундаменталисты зачастую ожидают этого вмешательства только в будущем мире. Если либералы преувеличивают значение разума, то фундаменталисты его полностью игнорируют. Если либералы стараются морально поддержать или преобразить этот мир, то консервативные христиане ждут схождения на него одних Божьих судов. Перечень этот можно продолжать, но достаточно и этого, чтобы понять, что не всегда верно правило «вышибать клин клином».

Зачастую истину приходится искать где-то посередине между двумя этими крайностями, а именно в представлении о том, что однажды пришедшее на землю моральное царство Иисуса Христа в будущем сменится сверхъестественным царством Бога (1 Кор. 15:28). При этом как религиозная, так и моральная сущность царства Христа имеет соответствующие последствия на состояние светского общества. В любом случае, как нельзя противопо-

ставлять Бога Писания (см. Особое Откровение Бога) Богу творения (см. Общее Откровение Бога), непозволительно сталкивать между собой две важнейшие христианские обязанности – почитание Бога и заботу о человеке (Мф. 22:36-40).

По большому счету, христианский либерализм от христианского консерватизма отличается тем, что первый отдает предпочтение морали перед религией, тогда как второй – наоборот, религии перед моралью. Библейская же позиция состоит не в противопоставлении или же просто сравнении этики и религии, а в их плодотворном сотрудничестве. Мораль без религии – это то же самое что одежда без тела, поскольку лишается своей внеземной сущности, тогда как религия без морали похожа на тело без одежды, поскольку лишена возможности своей реализации в конкретных поступках. Иными словами, вера без дел бесплодна, тогда как дела без веры поверхностны.

Сказанное означает, что нам придется как отбрасывать самое худшее, так и выбирать самое лучшее из обоих этих направлений, поскольку каждое из них несовершенно и чревато крайностями, хотя, разумеется, и не в одинаковой мере. Например, в вопросе понимания христианской доктрины искупления принятая на вооружение либеральным богословием теория «морального влияния» вполне совместима с отстаиваемой консервативными богословами теорией «заместительного наказания», поскольку Смерть Христа имела не одно какое-либо, а целый ряд значений, не вступающих в противоречие друг с другом.

Кроме того, если признать правоту неортодоксального богослова Р. Нибура касательно того, что секулярное

общество не способно устроить себя справедливым образом, тогда возникает естественный в таких случаях вопрос: «Почему эта задача оказывается не по плечу также и возрожденным христианам?» Разве мы не призваны к тому, чтобы показать этому миру все преимущества христианской жизни, которые могут побудить их обратиться к Богу. Совершенно очевидно, что для осуществления этой задачи у истинных христиан не имеется тех препятствий, с которыми сталкиваются светские (невозрожденные) люди.

Наконец, большинство современных консервативных богословов США частично признали правоту социальных воззрений такого либерального богослова, как Вальтер Раушенбуш, хотя в его время его сильно клеймили за это. Пусть и со временем, но они поняли, что нет ничего греховного в идее ненасильственного преобразования общественных отношений, представляющего собой не только побочное следствие евангелизации этого мира, но и необходимую предпосылку для обращения грешников к Богу.

По крайней мере, такие исследователи, как Стенли Гренц и Роджер Олсон, убеждены в том, что современные критики сходятся во мнении, что заслугой либерального богослова Альбрехта Ритчля было стремление помочь христианству избежать конфликтов с наукой и философией, а также «извлечение нравственных уроков из христианских догматов»¹⁹¹. Нельзя уличить либеральных богословов также и в том, что они лишь пропагандируют высокую мораль, сами ее не придерживаясь. Например, хорошо известно, что Адольф Гарнак выступил против арийского мнения Фридриха Делича.

В любом случае, идеи моральной теологии А. Швейцера не теряют своей актуальности, поскольку в просвещенной христианской среде никогда не исчезнет потребность в смягчении антагонизма между наукой и религией, а также беспокойство по поводу дегуманизации мира. Пусть в других вопросах мы не можем согласиться с ним, но в вопросах христианской этики теологам консервативного крыла следует у него поучиться многому. Поэтому вполне разумно поступает тот, кто не боится научиться чему-то доброму даже у своего религиозного оппонента. Нельзя забывать и того, что определенную степень либерализма можно приписать и самому Иисусу Христу. По крайней мере, Его дружеским отношением к грешникам соблазнились многие (см. Мф. 13:57; 15:12; Мк. 6:3; Лк. 7:23; Ин. 6:61).

Если консервативные богословы убеждены в том, что подлинное добро можно осуществить только при помощи Божественной благодати, тогда им придется ответить на вопрос, каким образом Швейцеру удалось сделать его без проявления полного доверия Библейскому Откровению. Перед нами налицо факт «частичного» исповедания христианских доктрин, которое, несмотря на это, смогло принести такие плоды, объяснить происхождение которых можно только благодаря признанию определенного влияния со стороны Божественной благодати. И как здесь не вспомнить такие слова из Библии, как «всякий любящий рожден от Бога и знает Бога» (1 Ин. 4:7) или «Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего» (Ин. 9:33; ср. Мф. 7:16, 20; Ин. 3:2)! Альберт Швейцер во всем следовал этим словам: «Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна» (1Ин. 2:10).

На настоящее время христианский либерализм, как разновидность протестантского движения, уже не является монолитным религиозным учением. По крайней мере, в первой половине прошлого столетия внутри него сформировалось новое течение, именуемое «либеральным евангельским христианством» (Т. Роджерс, П. Форсайт, Х. Макинтош, Д. Бонхоффер и др.). Его сторонники настаивают на необходимости проведения очередного диалога с представителями консервативного богословия, особенно в условиях недавнего выделения из него нового движения, получившего название «неоевангелизм» (Карл Генри, Френсис Шейффер, Джон Стотт, Алвин Плантинга и др.).

Важно отметить, что обе эти недавно сформированные богословские позиции в некоторых доктринальных вопросах приблизились друг к другу. Если «неолиберализм» (назовем его так) начинает признавать важность таких духовных истин, как Боговдохновенность Священного Писания (не обязательно буквальная), Божественность природы Иисуса Христа, искупительное значение Его Смерти или учение об оправдании верой, то «неоевангелизм» при изучении Библии пытается учитывать данные естественных наук и утверждает необходимость выполнения христианством социальной роли в мире (признание космической эволюции при отрицании эволюции биологической, согласие с умеренными выводами библейской критики и т.д.).

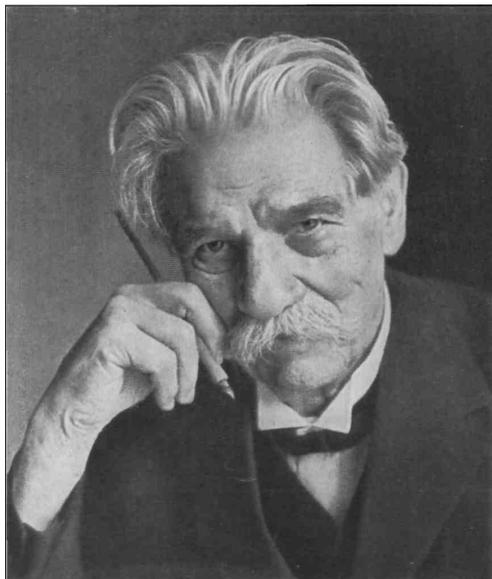
Оба эти движения, выходящие за рамки конкретных христианских конфессий, ставят перед собой заново задачу найти общий язык между трансцендентностью и имманентностью Бога в этом мире, благодатью и природой,

наукой и религией, знанием и верой, церковью и государством, благовестием и социальным служением. Таким образом, сегодня создались благоприятные условия для создания встречного уважительного отношения, по крайней мере, данных фракций двух этих направлений протестантской мысли. Свою лепту в этот процесс внес в свое время и Альберт Швейцер, за что мы перед ним в неocenимом долгу.

Заключение

◆ Альберт Швейцер не только создал созвучное современности этическое учение, но и попытался всей своей жизнью и деятельностью доказать его применимость к действительности. Он пришел к убеждению в том, что «создать новое человечество возможно, лишь направляя людей к сохраняющей свою подлинную сущность и в то же время развивающейся нравственности». По мнению Швейцера, сущность этики невозможно понять без ее преобразования в конкретное дело. Отстаиваемый Швейцером принцип единства слова и дела, этики и ее практического воплощения являет собой высокий пример бескорыстного служения человечеству. «Мы нравственны, если мы преодолеваем себялюбие и не смотрим на другие творения как на нечто чуждое нам, если мы сопереживаем и сострадаем всему, что нас окружает».

Еще одним выдающимся достижением Швейцера является исповедуемая им позиция сотрудничества веры с разумом. При этом необходимым условием такого сотрудничества между ними является простое взаимное уважение: «Истинное сердце разумно, истинный разум чувствителен»; «Вере нечего бояться мысли, даже если пос-

«Правда – всегда выигрыш, как бы тяжело ни было приспособиться к ней».

ледняя нарушает мир и провоцирует полемику»; «Чтобы достичь крайних пределов своих обширных владений, сердце должно пройти через владения разума». Оказывается, разум представляет собой нижний этаж веры, возвышающейся над ним, таким образом, только в определенной сфере. А значит категоричного противостояния между верой и разумом нет и быть не должно.

Нравственный принцип «благоговения перед жизнью», сформулированный Швейцером, направлен на то, чтобы любой из нас научился помогать другим людям конкретным делом – материально, психологически, культурно, морально и духовно. Это требует большой отдачи от тех, кто здоров и силен, состоятелен и удачлив, талантлив и успешен, спасен и освящен в пользу больных и страждущих, униженных и немощных, слабых и лишенных возможности быть деятельными, и даже самых грешных. Одним словом, данный принцип по-

звонит людям иметь такие отношения друг с другом, которые преследуют цель сохранения и совершенствования жизни вообще, и жизни моральной, в частности.

Альберт Швейцер учит нас и сегодня следующему: в жизни каждого человека и особенно христианина не может быть никакого оправдания лени перед лицом существования страдания и нужды, проявляющихся в жизни других людей. Сегодня всем нам следует научиться жить и работать так, чтобы столь уникальное событие в мире, как рождение ребенка, не омрачалось насилием, голодом, войной или загрязнением природы. Почему же мы так часто грешим перед Богом грехом бездействия, уподобляясь левиту и священнику из Притчи Иисуса Христа о добром самарянине, проходя мимо человеческой нужды?

Христианин должен чувствовать себя неудобно, когда он славит Бога за собственное спасение, а вокруг него гибнут десятки и сотни людей, унесенные в вечность в непрощенном состоянии. Если современная Церковь Христа будет апатично относиться к войнам, ей скоро будет просто некого призывать к покаянию. Кстати, это случится и в том случае, если она перестанет «осолять» погрязшее в грехах общество, всячески поддержи-

вая его моральное состояние. Поэтому установление на земле прочного мира, как и устранение опасности возникновения войн должно считаться одной из первостепенных задач каждого ответственно относящегося к «этой» жизни христианина. При этом традиционно возложенное на верующих дело благовестия или миссионерства от этого не только не пострадает, но и выиграет. К осуществлению этой благородной цели и призывал нас великий христианский гуманист Альберт Швейцер.

Библиография

- Швейцер А. Культура и этика. М. 1973.
 Швейцер А. Письма из Ламбарене. Л.: Наука. 1978, (второе издание, дополненное: 1989).
 Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992.
 Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М., 1994.
 Швейцер А. Жизнь и мысли. М.: Республика, 1996.
 Геттинг Г. Встречи с Альбертом Швейцером. М.: Наука, 1967.
 Альберт Швейцер — великий гуманист XX века. М.: Наука, 1970.
 Носик Б.М. Швейцер. М.: Молодая гвардия, 1971.
 Петрицкий В.А. Свет в джунглях. Л.: Детская литература, 1972.
 Фрайер П.Г. Альберт Швейцер. Картина жизни. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1982 (второе издание, исправленное: 1984).